

Гордость августейшей четы – дочери

Петр Великий, хотя и не успел воспитать своего сына Алексея в духе требований нового времени, все же обратил особое внимание на воспитание дочерей – Анны и Елизаветы. Царь не желал, чтобы они были похожи на безграмотных княжон и боярынь невежественной старины, тем более что намеревался найти им в мужья представителей правящих домов Европы. И в этом отношении его второй брак с Екатериной Алексеевной был очень удачным: в ее лице царь Петр приобрел надежного помощника.

От брака с Екатериной у Петра I родилось десять детей, но из них зрелого возраста достигли только дочери Анна и Елизавета, к которым он относился с большой любовью и гордился ими.

После переезда в Санкт-Петербург обе дочери Петра I жили при царствующим родителям в только что построенном Зимнем дворце, Анна и Елизавета имели для себя отдельные комнаты, особый штат прислуги. При Анне штат состоял из семи девушек, двух кормилиц и лакеев, а у Елизаветы – пять девушек и тоже кормилицы и лакеи. Когда Екатерине Алексеевне приходилось сопровождать мужа в его походах и путешествиях, то свои заботы о девочках она возлагала на сестру царя, Наталию Алексеевну, а после ее смерти в 1716 году, на княжну Марию Федоровну Вяземскую. Последняя успешно исполняла свои обязанности, и Екатерина посылала ей благодарности даже из-за границы. «Уведомились мы, – писала она княжне, – что вы за детками нашими присматриваете и не оставляете их, за что вам благодарствуем, и впредь о сем просим, и пребыванием вам доброжелательно».

Как только цесаревны подросли, учителя стали обучать их немецкому и французскому языкам. Петр и Екатерина, баловавшие дочерей, посылая им из своих путешествий подарки, внимательно следили за успехами наследниц в учебе. Так, например, когда тринадцатилетняя Анна прислала родителям письмо на немецком языке, то они, в виде поощрения, со своей стороны послали дочерям в подарок по кольцу и еще ящик с пряностями.

Как видим, обе дочери доставляли родителям истинное счастье, радуя их своим отличным здоровьем, красотой и успехами в образовании. Только однажды родители были напуганы. В 1717 году, во время отсутствия Петра и Екатерины в Петербурге, обе девочки заболели оспой. Но болезнь протекала легко, они перенесли ее благополучно.

Супруга Петра, Екатерина Алексеевна, обращала особое внимание на наряды своих дочерей. Они появлялись на гуляньях, ассамблеях то в испанских платьях, то в костюмах, сделанных из дорогих материй и отделанных золотыми и серебряными вышивками. Царица всегда заботилась и об их прическах: волосы украшались, согласно моде того времени, многочисленными драгоценными камнями – бриллиантами, жемчугом и алмазом.

Заботы о раннем браке дочерей побуждали царственных родителей приучать детей к обществу и торжественным выходам. Перестраивая весь общественный уклад, Петр I требовал, чтобы и его семья подчинялась новым порядкам наравне со всеми подданными. Екатерина Алексеевна и дочери обязательно посещали все мероприятия в царском дворе и вне его.

Ассамблеи, введенные преобразователем России на западный манер, начинались в три часа пополудни; к пяти часам приезжал царь, а за ними – Екатерина с дочерьми, одетыми в лучшие костюмы.

Бал открывался церемониальными танцами. Дирижер ударял жезлом и объявлял, что каждый может танцевать, как и что ему вздумается. И вот в этих-то танцах и раскрывалось известное различие характеров царевен. Если 13-летняя Анна особенно отличалась в церемониальных танцах, то 11-летняя Елизавета вызвала всеобщее удивление исполнением характерных танцев: польского, немецкого менуэта, английской кадрили.

Она вносила в веселье всю свою детскую душу, выдумывая новые фигуры и всегда являлась царицей бала.

Кроме танцев на ассамблеях, дочери Петра принимали постоянное участие и в любимых отцом катаниях по Неве. На эти прогулки Анна и Елизавета приходили в костюмах саардамских плотников: белые канифасовые кофточки, в юбках из грубой красной материи и с небольшими круглыми платками. Цесаревны участвовали также и в торжественных выходах отца, а иногда даже выступали на семейных и общественных праздниках в роли действующих лиц. Так, когда Петр возвратился из заграничного путешествия в 1707 году в Петербург, то обе царевны выехали ему навстречу, одетые в роскошные испанские платья. В сопровождении сановников и придворных государь вступил в Зимний дворец, и здесь, на глазах обширной публики, обе дочери приветствовали отца на славянском языке.

И все же, несмотря на иностранных гувернанток, царские девочки конечно же испытывали на себе влияние невежественных мамок, нянь и необразованных приятельниц государыни. Именно это обстоятельство наложило неизгладимый след, к примеру, на Елизавету: она до конца своих дней была суеверна, полна предрассудков, старинных привычек и ложных страхов. Так, ложась спать, она требовала, чтобы ей рассказывали сказки и обязательно страшные. Елизавета верила в леших и домовых.

Петр завершал только пятьдесят третий год своей динамичной жизни, но дни его уже были сочтены.

«Настал 1725 год, – описывал Н. И. Костомаров последние дни первого императора, – царь захворал, но пересиливал себя и занимался делами до 19 числа января; в этот день его болезнь усилилась; он слег в постель... Государя лечил доктор Блюментрост... 26-го подписал Манифест, освобождавший всех сосланных на каторжные работы, объявлял всем осужденным прощение... Екатерина выпросила прощение Меншикову.

27-го января Петр изъявил желание написать распоряжение о преемнике престола. Ему поджали бумагу; государь стал писать и успел написать только два слова: „отдайте все“ – и более писать был не в силах, а велел позвать дочь свою Анну Петровну, с тем, чтобы она писала с его слов, но когда явилась молодая цесаревна, Петр уже не мог произнести ни одного слова. Для первого российского императора наступила последняя в его жизни роковая ночь...»

В спальне императора установилась глубокая тишина.

Приближалась горестная для России минута...

У кровати, на низеньком табурете, сидела императрица, опустив голову на край кровати и заглушая рыдания платком, который она судорожно прижимала к губам.

За ширмами, окружавшими кровать, у стола, покрытого хирургическими инструментами, полуопорожненными склянками и банками, сидели придворный медик Блюментрост и лекарь Паульсон. На их бледных, истомленных лицах была написана решительная безнадежность.

В соседних залах находились члены коллегий, сенаторы, генералы, многие вельможи. На всех лицах выражалась глубокая непритворная горесть...

Уже несколько часов император боролся со смертью; его левая рука, отнятая параличем, лежала неподвижно на одеяле; только иногда больной поднимал правую...

Было три часа ночи. Приближался кризис.

Сначала тихий стон вырвался из груди умирающего, но, постепенно усиливаясь, он дошел до страшного вопля, далеко разносившегося по дворцовым покоем.

Блюментрост и Паульсон поспешно встали со своих мест и подошли к смертному одру.

За сильным кризисом последовало полное молчание...

Блюментрост наклонился к умирающему... его закатившиеся глаза были неподвижны; медик приложил руку к сердцу... Оно уже не билось.

Умер великий преобразователь России, крупнейший из исторических деятелей XVIII столетия.

К 13 февраля подготовили большой траурный зал, весь обитый черным сукном – от потолка до пола и сам пол. Зал освещался множеством горящих свечей, в его центре находился катафалк, покрытый малиновым бархатом.

Тело покойного Петра I лежало в гробу, обитом золотым глазетом и серебряными позументами. На императоре были надеты кафтан, шитый серебром с брабантскими кружевами, сапоги со шпорами. При нем находилась шпага, а на груди – Андреевская звезда. При гробе на ступеньках катафалка постоянно стояли четыре офицера. Священник день и ночь читал Евангелие.

День погребения был назначен на 8 марта. За шесть дней до похорон в траурном зале возле катафалка императора появился еще один небольшой гроб: скончалась шестилетняя дочь покойного и вдовы Екатерины Алексеевны Наталья.

За два дня до погребения по Санкт-Петербургу ездили герольды в траурных одеждах и объявляли всем о дне и часе похорон монарха. Со всей России в столицу съехались представители местных властей и сословий, частные лица.

О дне похорон жителей столицы известил пушечный выстрел перед полуднем. После третьего сигнального выстрела гроб императора вынесли и поставили на сани, обтянутые черным бархатом с золотыми галунами и запряженные восемью лошадьми с черными бархатными попонами.

Около третьего часа пополудни началось шествие похоронной процессии, которую открывали двадцать пять унтер-офицеров гвардии, а за ними шел маршал в сопровождении трубачей и литаврщиков. Далее следовали пажы и придворные кавалеры, иностранные купцы, депутаты от губерний. За военным знаменем два полковника вели любимую лошадь государя, на которой была богатая сбруя, а на голове белые и красные перья.

За гробом императора шла плачущая Екатерина с закрытым черной мантией лицом, камергеры несли шлейф. Ее под руки вели два «первейших сенатора» – светлейший князь Александр Данилович Меншиков и великий канцлер граф Гаврила Иванович Головкин. За вдовствующей императрицей шли ее дочери – семнадцатилетняя Анна и пятнадцатилетняя Елизавета, затем племянницы покойного императора – герцогиня Мекленбургская Екатерина Ивановна и царевна Прасковья Ивановна, и далее следовали родственники Петра I по линии матери Наталии Кирилловны Нарышкиной – Мария, Анна, Александр II Иван Нарышкины. Вместе с ними шли: девятилетний внук покойного – будущий российский император Петр II, сын казненного царевича Алексея, и жених дочери Петра Анны Голштинский герцог Карл Фридрих.

Во время шествия траурной процессии с крепости, на которой висели черные флаги, стреляли из пушек – по одному выстрелу в минуту. В церкви гроб императора и цесаревны поставили на амвоне, под балдахином. По правой стороне гроба было устроено место для государыни и императорской фамилии. По левой стороне для герцога Голштинского и великого князя Петра Алексеевича.

После отпевания архиепископ Псковский Феофан произнес краткую речь, и полки, выведенные на крепостные стены, три раза стреляли беглым огнем. Когда завершилось погребение ^[19], с крепости и с адмиралтейства было дано по три залпа из пушек, а также по три ружейных выстрела войсками, стоящими в строю.